

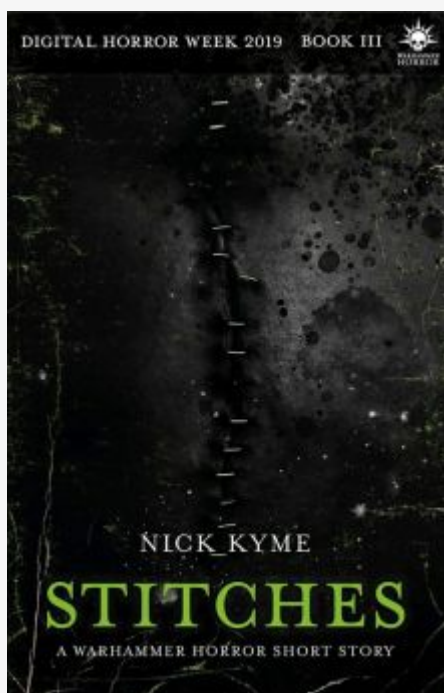
Швы / Stitches (рассказ)

Сторонний перевод

Этот перевод был выполнен за пределами Гильдии.

Швы / Stitches (рассказ)

Автор	Ник Кайм / Nick Kyme
Переводчик	Noxite
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Чары / Invocations
Год издания	2019
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Экспортировать	PDF , EPUB , FB2 , MOBI

Бучер смывал кровь со стола. Вспениваясь, кружась, разбрызгиваясь струйками во все стороны, розовая вода стала прозрачной только после третьего ведра.

— Мертв... — объявил он, ни к кому конкретно не обращаясь, и двинулся к следующему столу. Рана от

лазера на горле трупа не оставлял возможности истолковать состояние тела по-другому. Бучер сверился с хронометром. — Двадцать три — ноль ноль с точностью до секунды, — пожал плечами, его слегка позабавила такая точность.

С соседней койки на него уставился солдат. Глаза его расширились в надежде, когда он увидел стилизованный медный кадуцей имперских медиков, приколотый к халату Бучера, покрытому красными крапинками. Он потянулся к нему, хватая пальцами, как утопающий тянется в поисках воздуха, но врач ловко отстранился. Мужчина схватился другой рукой за грудь, перевязанную плохо стянутой повязкой, темной от крови и других менее здоровых жидкостей.

— Это надо снять, — пробормотал Бучер, поправляя затычки в ноздрях. Трон, как же здесь воняло. Даже запах разбавленного антисептика не мог перебить смрад.

Крепко прижав дёргающуюся руку мужчины, Бучер взял хирургические ножницы и начал резать. Бинты были крепкими и жесткими; по крайней мере, такой порядочный санитар как Ренхаус проделал сносную работу, перевязывая беднягу. Когда он снял повязку и марлю, Бучеру показалось, будто человек знаком ему. Не имя, он никогда их не запоминал, но помнил участие, роли. Он всегда помнил это. Фрагментами. Он был хорош в этом. Вокс-оператор, подумал он. Молодой. Едва ли двадцать стандартных Терранских лет. Еще даже не успел возмужать. Судя по полковым знакам различия, он входил в подкрепление с Валгааста, которое направили на усиление фронта. Он почти ничего не знал о войне, так как с момента прибытия находился в медицинском лагере. Знал лишь, что бушевала она уже давно. Если регулярный приток раненых был хоть каким-то показателем, то прорыв должен произойти в ближайшее время.

— Давай посмотрим... — пробормотал Бучер, кряхтя и усиленно разрезая повязку. То, что находилось под ней, уплотнило последний слой бинта, затвердев жесткой коркой. Это было все равно, что прорезать насквозь пластину бронежилета. — Святой Император, — выдохнул он с облегчением, пройдя через нее насквозь.

Еще до того, как он осторожно отодвинул ткань в сторону, Бучер понял — мальчик уже фактически покойник. Эта вонь! Трон, как же оно воняло. Траншейная гниль попала внутрь. А вместе с ней — и еще что-то. Оно окукливалось в обнаженной мышечной массе, которая просматривалась из-за отсутствия плоти и костей туловища солдата.

— Милосердие Императора... — прошипел он, отшатнувшись, когда кожа парня зашевелилась из-за движения под ней, довольно заметная и медленно движущаяся выпуклость. Тело изогнулось в конвульсиях, сильный удар заставил стол трястись. И всё же в корчащейся плоти продолжала теплиться жизнь.

Бучер отступил на шаг, держа ножницы перед собой, видя отражение своего собственного испуга в постепенно расширяющихся глазах мальчика.

Голос солдата был похож на негромкое карканье.

— Пожалуйста...

— Я не могу тебе помочь, — прохрипел Бучер. — Я не могу...

Еще одна судорога сотрясла парня, передаваясь столу, и теперь что-то действительно давило изнутри тела. Крошечные фумаролы открылись на коже и кровавой массе под ней, выбрасывая наружу газ и кусочки чего-то. Бучер не знал, частями чего они были. Оцепенев от страха, трясущимися пальцами натянул хирургическую маску, выдавая желание не подпустить то, что бы не пыталось вырваться из тела

солдата. На губах мальчика пузырилась пена. Его спина выгнулась дугой, тело превратилось в мостик между двумя короткими концами медицинского стола. Сонная артерия, толстая и бледная, выступила у него на шее. Он задыхался, студенистая желчь пузырилась у него в глотке. В жидкости плавали маленькие черные пятнышки, похожие на лягушачью икру.

Бучер врезался в плиту позади себя, твердость металла и внезапное прикосновение холодной мертвой руки к коже отрезвили его.

— Огнемёт сюда! — проревел он. — Прямо сейчас, черт возьми!

Его пальцы нащупали кнопку тревоги и с силой вдавили ее. Затем он отполз назад, не сводя глаз с мальчика — трясущееся, скрученное, со скрюченными пальцами воплощение агонии.

— Черт возьми, Император... сейчас... — захныкал он, слишком боясь повернуться спиной, и используя поручень каталки, чтобы, двигаясь вдоль неё, выбраться отсюда. Бучер дергал рычаг, пока тот не треснул и не сломался. Он почти не заметил сирену, настолько внимание было приковано к парню, когда тот повернул голову и посмотрел на Бучера с выражением крайнего отчаяния.

— Прости... — прошептал Бучер так тихо, что не смог бы поклясться, что вообще что-то произнес вслух.

Несколько мгновений спустя в медицинский блок ворвались трое гвардейцев — сержант и команда из двух человек с огнеметом.

— Вон, вон! — крикнул офицер, схватив Бучера за плечо и оттащив его назад, когда огнеметчики двинулась вперед. — Сожгите его!

Помещение огласилось громким ревом, и жесткие волоски на подбородке Бучера защищало от жара. Дым распространился повсюду. Раненые задыхались в нем. Пара санитаров тоже пробралась внутрь и вытаскивала наружу самых здоровых. Остальные сгорели или задохнулись. Последним, что увидел Бучер, было объятые пламенем тело мальчика. Размытый коричневый контур, покачивающийся и содрогающийся. Когда Бучера вытаскивали из блока, он услышал едва различимый крик, словно воздух вырывался из узкого отверстия воздушного шара, едва слышимый сквозь шум пожара.

Через два дня Бучер вернулся в медицинский блок. Помещение было тщательно продезинфицировано, хотя сквозь запах химикатов все еще пробивался слабый аромат обгорелой плоти, чем-то напоминавший о свиной шкуре и воске. Медик нахмурился, прищурившись при виде плесени, которую пропустили сервиторы-мойщики. Она собралась в швах между плиткой, трудновыводимая и раздражающая. Он подумал, не воспользоваться ли ему ножом, но отбросил эту мысль. Его пациенты, вероятно, предпочли бы чистые инструменты, по крайней мере, до тех пор, пока он мог держать их в таком состоянии. Бучер оглядел комнату. Восемь свежих столов, смывочные ведра наготове. Он затянулся палочкой лху, зажатой между двумя тонкими дрожащими пальцами. Смерть мальчика... это была плохая смерть. Одна из худших. Но война продолжалась, и людей нужно было зашивать и отправлять обратно на фронт. Лучше быть здесь, с ними, чем там, среди грязи и ужасов. Еще две затяжки папиросой, и Бучер смог расслабиться. Он раздавил окурок сапогом, обернул запачканный халат вокруг своего худого тела, и приготовился к предстоящей бойне.

Она не заставила его долго ждать.

Повсюду лежали тела разной степени расчлененности. Передовую накрыло мощным обстрелом, рвавшим гвардейцев в кровавые ошметки. Хуже всего пришлось Валгаасту. Большинство погибло от вражеских снарядов. Выжившие попали в медицинский блок. Бучер даже не знал, за что они сражались, кроме любви и защиты Бессмертного Бога-Императора, конечно. Его отправили сюда, как и всех остальных, назначили в медицинский блок и все. Ни неба, ни земли, только побеленные стены, кафель и плохо обставленная трапезная. Он ел здесь, спал здесь, работал здесь. С мертвецами. Это вполне устраивало Бучера.

Кромсая лежащего перед ним солдата, медик подумал, что ему нужен хоть один успех. Эпизод с мальчиком испортил его и без того невысокую репутацию. Даже мысль об этом вызывала тошноту. Он в сотый раз поскреб загривок. От постоянных почесываний там появилась сыпь. Она чертовски зудела, но к ней уже было больно прикасаться. Недавно он подслушал разговоры о том, что его хотят перевести на фронт, а санитаря вроде Ренхауса, повесить до медика-примуса. Они хотели вытурить Бучера.

— Тебе бы это понравилось, ублюдок... — пробормотал он, прорубаясь глубже в плоть. Она была мягкой, податливой. И она его не осуждала. Руки санитаря были в крови почти до подмышек, настолько глубоко он забрался в грудную полость, пытаясь остановить кровотечение. После значительных усилий Бучеру удалось зажать вену и остановить кровотечение, но солдат выглядел бледным и слабым. И дышал как-то не слишком хорошо, делая крошечные судорожные вдохи.

Потом дыхание совсем прекратилось.

— Вот дерьмо!

Бучер начал делать непрямой массаж сердца, не понимая, в чем проблема — в потере крови, или в чем-то другом.

— Ну же, ну же... — настаивал он. — Мне это нужно.

Через несколько минут он в изнеможении откинулся назад. Пара пустых глаз смотрела на него с каталки.

И мертвец был не один. Никто из тех, кого отдавали на попечение Бучера, не выжил. Семь трупов. Он знал о своей некомпетентности, просто думал, что сможет убедить офицеров в обратном.

— Меня отправят на передовую. Святой Трон, они... — дрожа, он потянулся за палочкой лхо, засунутой в верхний карман, и в этот момент услышал, как что-то ударило о металлическую хирургическую плоску. Сначала Бучер подумал, что кто-то все же выжил, и в отчаянной надежде завертелся на месте, осматривая всю комнату в поисках спасительной возможности.

Ничего. Только мертвые глаза и вялые окровавленные лица. Но потом он услышал это снова. Влажный шлепок, словно что-то мягкое ударило о что-то твердое.

— Что за?..

Ощущая, как вновь поднимает старый страх, Бучер крепко стиснул в руке скальпель и принялся за поиски. Шлепок раздался снова, и на этот раз он нашел источник, скрытый за ножкой каталки, выброшенный и забытый, — лоснящееся красным человеческое легкое.

Оно трепыхнулось, как выброшенная на берег рыба, и Бучер отскочил назад, одновременно полный отвращения и зачарованный.

— Как такое возможно? — спросил он вслух. Оно выглядело здоровым и, как он с ужасом понял, дышало. Так спокойно, словно принадлежало кому-то спящему.

Внезапно ощутив смятение, он отшатнулся и потянулся поднять тревогу.

Потом остановился.

В медицинском блоке не было других признаков жизни, кроме неглубокого дыхания Бучера и нежного движения легкого. Внезапно он почувствовал непреодолимое желание поднять его и осмотреть. Снова двинувшись вперед, медик осторожно протянул руку, радуясь, что на нем хирургические перчатки. Даже сквозь тонкую резину оно было теплым на ощупь. Легкое раздувалось и опадало, и при этом едва слышно раздавался неспешный и невозможный шелест дыхания. Доли выглядели здоровыми, главный бронх не пострадал. Он регулярно вынимал жизнеспособные органы у людей, которых не мог спасти, и помещал их в надежный шкафчик напротив столов с медицинскими инструментами, храня каждый из них в консервирующей жидкости. Их было очень много. Бучер вырезал несколько органов и оставил их в хирургической емкости рядом с пациентом. Этот каким-то образом соскользнул со стола. Однако это не объясняло того факта, что легкое все еще функционирует.

Он смотрел на мягко пульсирующий орган в своей руке, испытывая одновременно любопытство и отвращение. Затем посмотрел на мертвеца, лежащего на каталке. Тело солдата все еще лежало вскрытым, его внутреннее тепло словно исчезло под светом матовых медицинских ламп. Бучеру в голову закралась мысль, коварная идея.

Положив здоровое легкое на чистую хирургическую чашу, Бучер раскрыл грудь солдата. Его легкое выглядело нехорошо. Пробито и сдулось. Бучер не знал точно, как мог это пропустить, а потом вспомнил, что он плохой хирург и иных объяснений ему не потребовалось. Тем не менее, медик принялся за работу по удалению поврежденного легкого, а затем с ловкостью, которой никогда раньше не проявлял и о которой даже не подозревал, пересади́л здоровое. Затем Бучер снова зашил грудь солдата... и стал ждать.

Ничего не произошло, и внезапное осознание того, что он ожидал чего-то другого, вывело Бучера из состояния безумия.

— Какого черта я делаю? — он потер лоб, забыв, что весь в крови, и размазав ее по лицу, и нахмурился. — Проклятье! — шаркая ногами, хирург подошел к умывальнику, снял перчатки и умыл руки и лицо, раздосадованный такой глупой ошибкой, думая, что, возможно, действительно теряет рассудок. Он слишком много пил. Глоток здесь и там, для успокоения измотанных нервов, превратился в полбутылки, а затем — в привычку.

Бучер остановил скудный поток воды и вытер руки и лицо полотенцем. Затем он прислонился к раковине, сцепив руки и опустив голову.

Что-то с ним было не так. Медик задался вопросом, не могло ли на него повлиять то, что он видел мальчика, его ужас, ужасную смерть, и только теперь проявлялись последствия пережитого. Он часами, а порой и целыми днями находился один взаперти в медпункте — неудивительно, что в конце концов он начинал сходить с ума. Он задался вопросом, как долго еще сможет обманывать остальных касательно своих способностей и здравости рассудка, прежде чем его схватят и уведут в комиссариат, а то и хуже того.

Бучер глубоко вздохнул, а затем услышал раздавшийся в ответ звук в нескольких футах от него.

Он крутанулся на месте. Из-за оставшихся на лице капель воды у него был вид человека в лихорадочном поту.

Палец мертвого солдата дернулся — просто последняя нервная дрожь, сказал себе Бучер, чье сердце внезапно заколотилось... но затем труп содрогнулся, словно по телу пробежала электрическая волна. Грудная клетка поднялась, и раздался хриплый судорожный вздох, явно наполнивший грудь воздухом.

Солдат дышал! Сначала медленно, но все более уверенно и энергично Он снова пошевелился, и Бучер невольно вскрикнул от неожиданности. Затем человек приподнялся, зашитый, полуразделанный, но живой.

— Медик? — спросил солдат, моргая и скользя рукой по шероховатому шву на его торсе. — Со мной... все в порядке?

— Д-да... — пробормотал Бучер. — Так и есть, сынок, — добавил он более уверенно.

— А я могу драться?

Бучер медленно кивнул.

— Доложи надзирателю Муниторума и возвращайся на фронт... — Бучер мельком увидел идентификационный жетон, все еще висевший на шее солдата. — Грюманн.

Солдат Грюманн кивнул.

— Обязательно, док, — пациент свесил ноги с края каталки, босой и одетый только в брюки, но наполненный энергией и целеустремленностью. — За Императора, — сказал он и пылко отсалютовал знаменем аквилы в направлении Бучера, покидая медицинский блок.

— Пусть Он защитит, — ответил Бучер, все еще ошеломленный, но уже чувствующий эйфорию. Он подошел к столу и провел пальцем по луже крови. Она была темной, густой, артериальной.

— Раны должны были убить его.

Тот солдат был мертв. Он видел это собственными глазами. Мертвый. А теперь вернулся, еще более преданный и полный решимости служить Империи, чем когда-либо.

— Я что, живой святой? — спросил себя вслух Бучер, останавливаясь, любуясь своими руками, своими чудотворными руками. — Сосуд божественной воли Императора? — он засмеялся, слегка истерично, и снова подумал о своем злоупотреблении алкоголем.

Затем медик услышал, как что-то зашевелилось в другой хирургической емкости. Осторожно, но с растущим интересом он проследил за звуком и увидел сердце. Невероятно, но оно все еще билось хоть и было отделено от своего прежнего владельца.

В медицинском блоке оставались и другие тела, остывающие, но еще не остывшие.

Бучер снова посмотрел на свои руки.

Сосуд божественной воли Императора.

А потом принялся за работу.

Он трудился без усталости, зашивая мертвых, наполняя их ожившими частями тел. Легкие, сердца, кишечник — каждый орган мягко пульсировал в его святых руках. Недостатка в запасах не было. Число погибших на войне к этому моменту было ужасающим. Один за другим поднимались люди, живые, энергичные и рвущиеся в бой. Семь раненых, растерзанных минометным обстрелом, с ничтожной надеждой на выздоровление, стали семь пехотинцами, готовыми к мясорубке. Потом еще семь. И это продолжалось.

Бучер был полон энтузиазма. Воистину, его коснулась милость Императора, и он получил исцеляющий дар. Теперь никто не забирал его пациентов в мешках для трупов. Каждый солдат, независимо от тяжести ранений, был залатан и отправлен обратно в бой.

На третью неделю этого чудесного поворота событий Бучеру нанесли визит.

— Ренхаус? — кислое выражение на лице ясно показало его отношение, когда он посмотрел на санитаря, который явно жаждал занять место медика.

— Доктор Бучер, — сказал Ренхаус и решительно шагнул в сторону, пропуская полковника Рейка.

— Сэр!

Оба медика отдали честь, одновременно щелкнув каблуками.

Рейк отмахнулся от этой формальности. Это был полный мужчина, широкоплечий, не жилистый, как Бучер, но сильный и рожденный для военной службы. Бучер никогда не видел его без мундира, который всегда сверкал с иголки малиново-серыми цветами 66-го Валгаастского полка.

— Ты заслуживаешь похвалы, Бучер, — начал Рейк. — Ты отлично справляешься, — полковник огляделся по сторонам, словно рассматривая сцену недавних триумфов медика. — Хорошая работа.

— Благодарю Вас, сэр. Я служу по милости Императора, — ответил Бучер с коротким почтительным поклоном своему командиру.

— Как и все мы, как и все мы, — Рейк поправил мундир, оглядывая медиков жестким взглядом. — Тебе не мешает помощь, Бучер, — сказал полковник и указал на Ренхауса.

Бучер так сильно сжал челюсти, что едва не сломал зуб. Сердце его стучало так громко, что он боялся, будто Рейк услышит его. Через несколько секунд он протянул:

— Сэр, в этом нет необходимости, я могу...

— Чепуха, Бучер, — вмешался Рейк. — Ты залатал буквально половину полка, приятель. Даже больше. Мы все еще можем сражаться благодаря тебе.

Злость Бучера быстро сменилась холодом паники. Он вдруг почувствовал, что его лихорадит. В голове застучало, ноющий звон в ушах заставил его сощуриться. Пот выступил у него на затылке, и он почесал рану, вновь сдирая струпья. Боль привела его в чувство.

— Я... э-э... — пробормотал он, и тут потолок задрожал. Пылинки падали на землю, как маленькие облачка крошечных мух. Враги совершили еще один минометный обстрел, и это послужило своевременным напоминанием о войне, участия в которой Бучер активно хотел избежать. Это был его вездесущий спутник, далеко разносящийся отзвук войны. Хирург почувствовал, как она подползает ближе. Он не знал, что отчасти несет ответственность за ее продолжение. Либо так, либо смерть от рук

врага, подумалось ему.

Рейк поднял глаза к потолку и нахмурился.

— Эти ублюдки-еретики тоже держатся. Это война на истощение, Бучер — сказал полковник, пристально глядя на медика острым, как рапира, взглядом. — И есть только одна вещь, которая может выиграть эту войну. Мужчины. Кровь. Плоть. Тела, Бучер. Ты понимаешь?

Бучер тупо кивнул.

— Да, сэр, но каким образом?

— Ренхаус тебе поможет. Что бы ты ни делал, научи его тоже делать это.

Нет!

— Подумай, чего ты мог бы добиться, имея вдвое больше людей, — продолжал Рейк. — Мы выиграем эту войну за несколько месяцев.

— Несколько месяцев? — переспросил Бучер, его взгляд метнулся к Ренхаусу, старательно сохранявшему нейтральный вид, а затем снова на Рейка, который казался необычайно довольным собой.

Как я смогу сохранить это в секрете в течение нескольких месяцев?

Холодный нож страха вонзился в спину Бучера, когда он внезапно осознал всю суть сказанного полковником.

В уединении собственного святилища его работа казалась Божественной, праведной, но Ренхаус очернит ее. Бучер не мог рисковать разоблачением. Дар может стать недоступен ему, а еще людям, которых он смог бы спасти. Он шел по натянутому канату, а тяжесть слов Рейка грозила сбросить его и низвергнуть в небытие.

— Сэр, я уверен, что санитару может найтись лучшее применение...

Лицо полковника, будто дульной вспышкой, озарилось проблеском сдерживавшейся злости.

— Ты оспариваешь прямой приказ, Бучер?

— Нет, сэр, конечно, нет. Я просто думаю... — у него не было воли противостоять напору. Этот старый, бесхребетный бездельник вновь взял в нём верх, и Бучер поник, как сломанный воздушный змей.

— Очень хорошо, — сказал Рейк. — На рассвете полк предпримет еще одну попытку наступления... — он сверился с хронометром. — Это будет через четыре часа. Я предполагаю, она будет кровавой. Так что ты будешь рад помощи санитару.

— Я готов оказать вам любую помощь, доктор, — сказал Ренхаус.

Ты подбострастный маленький засранец...

Бучер почувствовал внезапное желание вонзить скальпель в лицо санитару и продолжать резать его до тех пор, пока пока не превратится в красное, кровоточащее мясо.

Он сдержался. Кровь капала из его стиснутого кулака, лезвие скальпеля вонзилось в ладонь, а Бучер даже не заметил этого. Он ловко сцепил руки за спиной, чтобы скрыть рану.

— Тогда мы должны подготовиться, — сказал Бучер. Рейк коротко кивнул ему.

— Знаешь, — сказал полковник, уходя, — когда-то я считал тебя слабым, бесполезным человеком. Я думал отправить тебя обратно на линию фронта вместе с остальным полком. Но ты доказал, что я ошибаюсь.

— Благодарю вас, сэр, — сказал Бучер, чувствуя, как вновь поднимается пыл, но Рейк уже ушел.

Он зло посмотрел на Ренхауса, а затем поспешил к раковине вымыть порезанные руки и залатать их.

— Доктор... — В голосе следовавшего за Бучером санитаря слышалась тревога. — Вы ранены?

— Ничего страшного, — сказал Бучер, обмывая руки водой и ловя отражение Ренхауса в грязном зеркале позади себя. Стекло пересекала трещина, разрезая зеркальное отражение лица санитаря надвое. Бучер представил себе, как будет раз за разом разбивать того о стекло, пока лицо полностью не сотрется и не останется ничего, кроме разъявленного красного рта, а потом сотрет... Бучер моргнул, чувствуя, как кипит кровь, и глубоко вздохнул.

— У Вас усталый вид, доктор. Возможно, Вам стоит отдохнуть. Я могу позаботиться...

— Я в порядке! — рявкнул хирург и повторил уже спокойнее, увидев, как побледнел Ренхаус. — Я в порядке. Спасибо, санитар.

Ренхаус был молод и полон энтузиазма. Тонкая щетина покрывала его кожу, но она была мягкой и светлой. В санитаре Бучер видел все, чего не было в нем: компетентность, надежду, набожность. Он видел того, кем его заменят.

Его язык был сухим и плотным, словно комок ткани. Он почувствовал тошноту. Бучер подавил это чувство, списав его на усталость. За последние три недели он почти не ел и не спал, все время был поглощен своей работой. Его дар. Ком страха сжался в его животе, когда медик понял, что этого больше не будет. Он не мог так рисковать.

— Залатайте их, — сказал Бучер, все еще глядя на свое отражение и неопределенно махая рукой в сторону двух только что поступивших раненых.

— Немедленно, доктор, — сказал Ренхаус, быстро направляясь к своему посту. — Я докажу, что достоин, клянусь Императором.

— Пусть Он защитит... — пробормотал Бучер и потянулся за палочкой лхо.

Следующие несколько дней были кровавыми. Обещанная Рейком «попытка» в изобилии принесла свежих раненых и превратила медицинский блок в склеп. Тела были сложены, как мешки с песком в оборонительном редуте. Запах смерти и гнили пронизывал все вокруг.

— Зажми ее, Ренхаус, — рявкнул Бучер. Грудная клетка солдата заполнялась кровью, словно колодец. — Я здесь ни черта не вижу.

Ренхаус шарил руками в кровавом болоте внутренностей солдата. Бучер пытался завязать швы, которые в лучшем случае можно было бы назвать халтурными, одной рукой держа иглу, а другой прижимая вопящего заряжающего ракетной установки.

— Трон, Ренхаус, пожалуйста...

— Есть, — санитар начал спокойно откачивать жидкость. — Вы задели вторую артерию, когда резали его, — сказал он.

Бучер сверкнул глазами. Ренхаус выглядел серым, как могильный прах, темные круги окружали его глаза, как маленькие темные ямы.

Что ты видишь? А? Думаешь, я не знаю, что ты обо мне думаешь?

Бучер воткнул шприц с морфием в заряжающего, и это сразу же утомонило солдата. Его грудь все еще лихорадочно вздымалась, как у испуганного грызуна, попавшего в западню. Пациента более не требовалось удерживать, и Бучер ткнул пальцем в санитаря.

— Я этого не делал, — сказал он угрожающе ровным голосом.

— При всем уважении, доктор...

— А теперь послушай меня, Ренхаус. Я управляю этой операционной. Я. Не ты. С тех пор как здесь появился, ты стал помехой. Три таких дня, и мы потеряем всех остальных. Мы теряем каждого второго, санитар. Что ты на это скажешь?

Ренхаус слушал только вполуха. Его внимание было приковано к своей задаче — осушить рану, зажать кровоточащую артерию. Он поднял глаза только тогда, когда быстрые движения грудной клетки резко прекратились.

— Он мертв, — объявил он в изнеможении и обмяк, словно опустошенный бурдюк.

Бучер моргнул.

— Он что?

Ренхаус встретил его недоверчивый взгляд.

— Умер от полученных ранений. Они были тяжелыми, — он сотворил знак в форме Аквилы. — Только со смертью кончается долг.

Бучер посмотрел на труп так, словно это чужеродный предмет. Глаза солдата были открыты, сверкая, как маленькие серебряные монетки, в резком свете люменов наверху. Брызги крови на лице, из вскрытого, словно разбитое яйцо, тела вытекали жидкости, с хлюпаньем переливавшиеся через край стола.

— Это последний? — спросил Бучер, внезапно почувствовав, будто на плечи навалился мельничный жернов.

Ренхаус кивнул.

— По крайней мере, пока.

Воцарилась глухая тишина, в которой слышались лишь вздохи сломленных и далекое буханье тяжелых орудий.

Затем... послышался слабый, но отчетливый в тишине медицинского блока звук удара.

Ренхаус прищурился, склонив голову набок, как собака, почуявшая след.

— Что это было? — спросил он, поворачиваясь, чтобы определить источник шума.

— Что было? — сказал Бучер, с затуманенным взором и не сразу сообразив, что к чему.

Леденящее осознание происходящего прогнало усталость. Оно тронуло каждое нервное окончание, и он вытянулся прямо, будто шомпол.

— Я ничего не слышу, — сказал он. Слишком быстро, слишком поспешно.

Он не должен узнать. Он не должен узнать.

— Наверное, просто паразиты, — сказал Бучер, стараясь говорить небрежно. — Они проникают повсюду.

— Я не думаю, что это паразиты... — Ренхаус сделал несколько шагов, прислушался.

Прозвучали два едва слышных удара, тихих, как постукивание детского пальца по стеклу.

Ту-дум.

И снова.

Ту-дум.

— Это определенно не паразиты, — сказал Ренхаус, теперь уже уверенно, наполнившись решимостью поймать свою тихо барабанищую добычу. Он искоса взглянул на Бучера. — Вы что, не слышите?

— Это, наверное, от пушек, у тебя эхо в барабанных перепонках. Дай-ка я... — Бучер протянул руку, но Ренхаус уже двинулся дальше и направлялся к шкафу с органами, где хранился биологический материал для трансплантации.

— Там ничего нет, кроме пустых просоленных банок, — сказал Бучер, все еще притворяясь, все еще пытаясь выкарабкаться.

После недавних успехов, несмотря на последние три дня, у него начали заканчиваться целые части тел. Не то чтобы это имело значение, ведь Ренхаус наблюдал за ним, как чертов серво-череп.

Снова послышался стук-глухой стук, безобидный звук, который трудно было отрицать. Он сразил Бучера наповал, словно выстрел.

— Вот... — сказал Ренхаус. — Вы, должно быть, слышали это?

Бучер пожал плечами, предпочитая сохранять безразличие.

— Здесь постоянно что-то скрипит. Сюда попадали несколько раз.

Санитар покачал головой.

— Нет... — сказал он. — Нет, оно определенно идет из этого шкафа. Похоже, там что-то есть, — и придвинулся ближе, как браконьер, не знающий, что находится в его силке.

Бучер побледнел, словно краски смыли с холста.

Он знает...

Ренхаус взялся за ручку шкафа и открыл дверцу.

— Будь осторожен... — сказал Бучер.

Он чертовски хорошо знает...

Хирург потянулся за молотком для раскалывания костей. Рукоять была холодной, но что-то горячее внутри Бучера заставляло его действовать.

Если он увидит...

— Определенно, здесь что-то есть... — Ренхаус прищурился, глядя в темное нутро шкафа на странные, уродливые очертания органов, плавающих в мутной жидкости внутри банок. Лишь немногие из них были заняты. В одной раздавался стук по стеклу — половинка сердца, ее аортальный клапан расширился и сжимался, как крошечный рот, присосавшийся к стенке банки. — Пресвятой Император... — выдохнул Ренхаус, отступая назад и делая знак авилы. Он казался испуганным. — Это заражение, здесь порча...

Бучер сильно ударил его по затылку. Санитар рухнул на пол, как сломленный огрин, ударившись о поручни каталок. Он лежал, неподвижный, словно мертвец.

— Трон, что я наделал?

Бучер чуть не упал, поскользнувшись на луже крови, сочащейся из разбитого черепа санитара. Он протянул руку, раздумывая, можно ли его подлатать. Можно было заявить, что это несчастный случай, он мог бы.

Ренхаус пошевелился, в полубессознательном состоянии. Его лицо было в крови.

Бучер снова ударил его, пригнувшись и размахивая молотком одной рукой, пока череп не разлетелся на части. После этого он махнул еще пять раз. Кровь и мозговое вещество забрызгали его плащ, стены операционной. К тому времени, как он пришел в себя, то уже практически плавал в них. У Ренхауса почти не осталось головы. Это была просто красная каша с осколками костей. Бучер выковырял кусок из своего лица, чувствуя жжение, когда выдергивал осколок черепа.

— О, черт... — выдохнул он, его грудь тяжело вздымалась, сердце стучало громче, чем артиллерийские батареи снаружи. Дерьмо, дерьмо, дерьмо, дерьмо!

За такое его повесят, или расстреляют, или что похуже. Рейк заставит его страдать. Ему никак не мог выкрутиться из этого положения. Убил Ренхауса, ударил беднягу молотком, когда тот повернулся к нему спиной.

Но ведь он знал, не так ли? Он знал, что ты сделал.

— Да... он знал, — вслух произнес Бучер.

Он бы тебя разоблачил. Он помешал бы твоему дару исцеления.

— У меня не было выбора... — сказал хирург, чувствуя себя спокойнее.

Вообще никакого выбора.

Бучер сменил молоток на хирургическую пилу. И принялся за работу.

Кости были крепкими. Он не стал тащить Ренхауса на стол, а просто расчленил его на полу. Перерезал

узкие суставы — запястье, локоть, лодыжку, колено. Разрезаемые кости издавали пронзительный скрип. Медик проигнорировал его, взял отделенные конечности и распилил их пополам. Затем сделал это еще раз. Делая кусочки достаточно маленькими, чтобы они могли поместиться в банки. Все должно было поместиться. Это была тяжелая работа, и из-за пота казалось, будто он закутан в плащ, пахнущий его собственным телом и отчаянием.

— Ну же, ну же... — подгонял он себя, он себе намял руку об рукоять пилы до крови. — Давай же...

Он не останавливался, моля Императора о том, чтобы раненые пока что обождали. Это заняло несколько часов, и когда он закончил, то белый халат стал красновато-розовым. Глаза жгло, они пересохли из-за того, что Бучер долго не моргал. Ему нужно было выпить, но он еще не закончил. Ещё нет. Дрожащими пальцами он выронил пилу и потянулся за банками, их консервирующие жидкости громко хлюпали, когда он вынимал их из шкафа и ставил на пол. Медик работал торопливо, вскрывая каждую из них, зажимая нос из-за едкого запаха консервирующей жидкости, а затем бросал части тела Ренхауса внутрь кусок за куском. Он уже запихнул последнюю банку обратно в шкаф и почти запер его, когда услышал тихий стук.

Ту-дум.

Действительно, безобидный звук. Почти приятный.

Ту-дум.

Нет, не приятный. Он вовсе не успокаивал.

Ту-дум.

Он мучил, словно ногти, скребущие по стеклу.

Скриииииш!

Бучер заткнул уши, стараясь заглушить звук. О, Трон... Он чувствовал, как от него пахнет кровью. Они тоже почувствуют. Они узнают, что он сделал. Убил санитаря, а потом разрубил его на куски. Милость Императора ... этот костяной скрип.

Ту-дум.

— Заткнись... — Бучер так сильно сдавил уши, что у него закружилась голова от давления на череп. Кровь грохотала в ушах, он ослабил хватку.

Ту-дум.

— Заткнись, заткнись...

Он включил медицинскую пилу, и та с воем рассекла воздух.

Ту-дум.

В голове как будто вышагивал парад, который отбивал барабанную дробь, возвещавшую о его вине.

Ту-дум.

— Заткнись!

Бучер бросился к своему шкафу, поскользнулся и ударился головой. Жар обжег его голову, словно дюжина раскаленных булавок вонзилась в череп. Он поднялся на ноги, шатаясь, чувствуя тошноту.

Скриииииш!

Опять ногти. Его ногти. Разум Бучера заполнило видение отсеченной руки, скребущейся в стекло.

— Пожалуйста... — прошипел он жалобным шепотом в темноту. Пальцы Бучера были ободраны и кровоточили при каждом движении, и с третьей попытки шкаф открылся. Он распахнул двери, открыв своего мучителя...

Банки стояли неподвижно. Ничто не шевелилось. Он ждал. Он наблюдал. Ренхаус, его собранный биологический материал, просто плавал. Крошечные кусочки его тела отщепились и кружились в консервирующей жидкости. Она была мутной, словно грязная морская вода, в которой болтаются нечистоты. Медик проверил каждую банку, старательно поднося ее к свету, изучая мутную мешанину внутри. Просто части, изуродованные и разделенные, но просто части. Нога. Кусок челюсти. Глаз... о, пресвятой Император, неужели я действительно это сделал?

Не выдерживая тяжести собственных прегрешений, Бучер опустился на колени, погрузившись в кровавую кашу под ногами. Он позволил ей прилипнуть к одежде, к коже, умоляя, чтобы грязь поглотила его.

На несколько секунд воцарилась тишина. Затем его усталый взгляд снова наткнулся на тот след. Немного плесневелого налета, напоминание о мальчике, спина которого выгнулась, словно мост из плоти и костей — путь к его собственным страданиям и кошмару. Его стало чуть больше? Нет, но он изменился. Одно пятно превратилось в три — маленький грязный треугольник из точек.

Он подполз поближе, чтобы посмотреть, и уже собирался протянуть руку, когда-Ту-дум.

Бучер вскочил на ноги. Оставил шкаф открытым и, поднимаясь хватил костяной молоток. Его оголовье все еще была покрыта ошметками Ренхауса. Взревев, он разбил банки. Наружу хлынул отвратительный поток рассола с частями тела. Бучер чувствовал их прикосновение: мягкая плоть шлепала по халату, цепляясь за него пальцами и прикусывая зубами. Жуткий ров из биоматериала и разбитого стекла отделял Бучера от остальной части медицинского блока. Он рассмеялся, слишком громко, слишком истерично.

— Теперь-то ты заткнешься... — сказал он торжествующим, слегка напевающим голосом, который сам не узнавал.

Наступила тишина, блаженная тишина.

Нет, погодите...

Это была настоящая тишина. Не только отсутствие отзвуков в медицинском блоке, но и снаружи тоже. Никакой бомбардировки. Никакого глухого грохота артиллерии. Гул был постоянным, и теперь, когда его не стало, Бучер обнаружил, что ему не хватает громового рефрена пушек.

Нахмурившись, он осторожно пробрался через беспорядок, который сам же и устроил. Осколки стекла — или кости? — хрустели у него под ногами.

Он вышел из блока. Но по-прежнему ничего не слышал. Длинный коридор вел в лагерь, к окопам. Он пошел вперед, все еще прислушиваясь, все еще ничего не слыша. Моргая, Бучер вышел на свет

холодного дня. Небо выглядело больным, желтушным с коричневыми пятнами облаков, словно по нему провела грязной тряпкой рука божества. Полк был там. Они уже ждали его. В тишине.

Как и весь лагерь. Ни одно оружие не сотрясало землю своей громоподобной отдачей. Громкие приказы командиров не разносились туда-сюда. Никто даже не пошевелился. Они стояли перед ним ровными рядами, в извращенном подобии строевой дисциплины.

Они изменились, Валгаастский 66-й. Бледная кожа, запавшие глаза и иссохшие конечности. Рваная униформа, покрытая пятнами плесени, повторявшими узор, который он видел на стене медблока. Бучер заметил Грюманна, вокс-оператора. Истощенные руки и ноги стали тонкими, словно у скелета, но живот выпирал, раздувшись от гниения. В воздухе, пахнущем лихорадочным потом, неспешно двигались ленивые мухи. Он был густым. Его скорее нужно было глотать, нежели вдыхать. Бучер сделал глоток и подавился.

Вперед выступил Рейк. Точнее говоря, он вышел шаркающей походкой.

— С-сэр... — прохрипел Бучер. Страх сдавил ему горло, или это была просто вонь? От Рейка дурно пахло. Как от молока, испортившегося на солнце, или протухших яиц. Образ мяса, зараженного личинками мух, некстати всплыл в сознании Бучера. Затем тишина прервалась, и ритмичный перестук возобновился.

Ту-дум.

Громче.

Ту-дум.

Две дюжины сердец, бьющихся одновременно. Хор легких, издающих прерывистые вздохи. Пульсация и трепет жизни, вот только это была не жизнь. Бучер теперь понимал это, столкнувшись с полковником Рейком, источающим зловонный запах. Его сморщенная, разлагающаяся плоть, черные пеньки вместо зубов. Это была не-жизнь или не-смерть.

Оно забрало их, какой-то мор.

— Это был мальчик, не так ли? — сказал Бучер, и горячие слезы потекли по его щекам.

Рейк кивнул и приоткрыл рот, откуда показался толстый серый язык, похожий на развалившегося внутри слизняка и слишком распухший для членораздельной речи. Он ухмыльнулся, и там, где в уголках рта скопились черные крапинки, кожа треснула и потек водянистый гной.

— Он был заражен. Что-то внутри него, — сказал Бучер, — оно осталось потом, после пожара ... Император милосердный, это же я сделал.

Рейк повернулся, как будто исповедь Бучера не вызвала у него никакого интереса. Вместо этого он указал костлявым пальцем на туман за окопами. Там тоже стояла тишина, но среди миазмов двигались фигуры — громадные фигуры в тяжелой броне. Проклятые — та ужасная сила, которую они пришли победить — надвигались, не встречая сопротивления. Их ждали. Две армии стали одним целым.

— Тише... — взмолился Бучер, стиснув зубы от этого ужасного ритма.

Ту-дум.

— Пожалуйста...

Он обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как пистолет Рейка превратился в мутное пятно, устремившись к его голове. Почернело.

Бучер очнулся. Сердце колотилось в груди, глаза моргали от внезапной вспышки света.

— Милостивый Император, — выдохнул врач, чувствуя под собой свою мягкую постель. Затем попытался пошевелить руками и обнаружил, что они пристегнуты ремнями. То же самое оказалось и с его ногами. Это была не его кровать. Это был операционный стол.

— Нет, нет... пожа...

Прогорклый кляп, засунутый в рот, заглушил мольбы. Холодная рука крепко прижалась к его лбу. Он посмотрел вверх и увидел лицо Рейка. Бойцы полка окружили его со всех сторон, глядя на него сверху вниз, как на образец для изучения.

Приглушенный стон сорвался с губ Бучера, когда он понял, что Император отвернулся от него.

Рейк кивнул. Грязный скальпель в его руках блеснул в тусклом свете.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Швы/_Stitches_\(рассказ\)&oldid=13746](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Швы/_Stitches_(рассказ)&oldid=13746)

Эта страница в последний раз была отредактирована 21 мая 2020 в 21:18.